

Ноября 27 (10 декабря)

Священномученик
Николай (Добронравов),
архиепископ Владимирский и Суздальский

Священномученик Николай (в миру Николай Павлович Добронравов) родился 21 ноября 1861 года в селе Игнатовка Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. В 1881 году Николай Павлович окончил Московскую Духовную семинарию, а в 1885 году – Московскую Духовную академию и стал преподавать богословие и Священное Писание в Вифанской Духовной семинарии. Женился. Был рукоположен в сан священника, служил в храме Александровского военного училища и преподавал Закон Божий в 7-й московской мужской гимназии, в гимназии Поливановой и в гимназии Арсеньевой. После революции 1917 года и закрытия Александровского военного училища отец Николай был переведен в храм Всех Святых на Кулишках. Он был одним из активнейших участников Поместного Собора 1917-1918 годов.

Летом 1918 года власти приняли решение арестовать священника. 19 августа сотрудники ЧК во главе с комиссаром Реденсом пришли к храму Всех Святых, чтобы произвести обыск. Церковь была закрыта, и чекисты, найдя настоятеля храма протоиерея Николая, потребовали, чтобы он выдал им ключи. Отец Николай ответил, что при обыске храма необходимо присутствие председателя приходского совета. После такого ответа священник был арестован и отвезен в тюрьму ЧК на Лубянке. На допросе следователь спросил, у кого находятся ключи от храма, и отец Николай ответил, что у церковного старосты. Во время обыска чекисты обнаружили дневники священника с краткими заметками, касающимися, в частности, восстания большевиков 3-5 июля 1917 года в Петрограде, а также сопротивления юнкеров большевикам в ноябре 1917 года. Под датой 2 (15) ноября 1917 года отец Николай записал: «Страшный день сдачи большевикам». Допрошенный относительно всех этих событий протоиерей Николай ответил, что в июле 1917 года он действительно выезжал в Петроград по вызову Святейшего Синода для принятия участия в предсоборных совещаниях. В подавлении восстания большевиков никакого участия не принимал, находясь в это время на совещании. В то время, когда на улице началась стрельба, председательствующий архиепископ Сергей (Страгородский), обратившись к присутствующим, предложил не прерывать собрания и продолжать работу. «Во время Октябрьской революции я находился в своей квартире в Александровском военном училище, где занимал должность законоучителя и настоятеля церкви. Там же находились юнкера, так как училище было штабом юнкеров. Училище находилось под обстрелом. 1 ноября тяжелым снарядом были разбиты стена и окно в моей квартире. В эту же ночь у меня ночевало несколько семейств офицеров. 2 ноября училище было сдано большевикам. 3 ноября происходила сдача оружия. В выступлении юнкеров я никакого участия не принимал. Как настоятель собора, я принимал участие в похоронах юнкеров и офицеров, погибших в Гражданскую войну. Проповеди в церкви произносил не особенно часто, содержания чисто религиозного, не касаясь политической жизни. Против новой власти никогда не агитировал, ни к какой партии не принадлежал».

По окончании следствия Реденс написал свое заключение: «Из допроса гражданина Добронравова я вынес впечатление, что он принимал участие в политической жизни... хотя у меня нет материалов, дабы установить его роль в событиях июля 1917 года, а также в Октябрьской революции; из всего же видно, что это вредный для революции “тип”, который, будучи на свободе, наверняка спокойно сидеть не будет. Поэтому предлагаю отправить его в концентрационный лагерь».

3 декабря 1918 года президиум Коллегии отдела ЧК принял решение о заключении отца Николая в концлагерь. Однако руководители ЧК отправили дело на доследование, и в конце концов 16 апреля 1919 года было принято решение, что, поскольку явных улик против священника нет, его следует освободить.

В начале 1921 года протоиерей Николай был назначен настоятелем Крутицкого Успенского собора. К этому времени он овдовел и в 1921 году был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. В 1922 году в связи с появлением обновленцев были арестованы многие архиереи из числа тех, кто не согласился поддержать раскольников. Среди других был арестован и епископ Николай. Власти приговорили его к одному году ссылки в Зырянский край.

По возвращении в Москву он был возведен в сан архиепископа. Владыка стал одним из ближайших сподвижников Патриарха Тихона, оказывая ему помощь в защите Церкви от натиска обновленцев.

16 апреля 1924 года безбожники арестовали архиепископа и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Его привлекли в качестве обвиняемого по некоему делу об избииении члена рабоче-крестьянской инспекции, а также обвинили в том, что он, имея большой авторитет, проводил среди духовенства контрреволюционную агитацию. Вызванный на допрос, архиепископ сказал, что под его руководством находится Звенигородское викариатство, а также три благочиния Замоскворецкого района Москвы, в которых находится сорок четыре храма. «Связь с благочинными я поддерживаю путем приемов, не носящих регулярного характера. Специальных собраний или совещаний с благочинными мною никогда не устраивалось. Не имели место и антисоветские выступления или выпады с моей стороны, так как в сношениях с благочинными я придерживался узко церковной области. Что касается моих проповедей, то они носили чисто моралистический характер».

14 июня 1924 года архиепископ был освобожден. В этом же году он был назначен архиепископом Владимирским и Суздальским. Хорошо знавший владыку священник вспоминал, что это было время, когда шла трудная борьба с обновленчеством, когда становилось модным крикливое и вычурное пение в церкви; твердо держась православной традиции, архиепископ Николай «настойчиво и властно боролся против человеческих врываний в святая святых и нередко выходил победителем в борьбе за Церковь».

После кончины Патриарха Тихона владыка стал одним из ближайших помощников Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра. Впоследствии, когда под давлением ОГПУ возник григорианский раскол и архиепископ Григорий добивался того, чтобы Местоблюститель передал церковное управление церковной коллегии, Местоблюститель первым в списке архиереев, которым он выражал абсолютное доверие, поставил имя архиепископа Николая, зная его как исповедника, человека твердых убеждений и опытного труженика на ниве церковной. 11 ноября 1925 года комиссия по

проведению декрета об отделении Церкви от государства приняла решение ускорить процессы раскола в Церкви, для чего было необходимо арестовать архиереев, которые противились проводимой государством антицерковной политике. 11, 20 и 30 ноября 1925 года были арестованы одиннадцать архиереев из числа ближайших сподвижников митрополита Петра, и среди них архиепископ Николай, а также многие священники и миряне.

В тюрьме архиепископа Николая спрашивали о том, знал ли он о письме историка Сергея Павловича Мансурова к Местоблюстителю, в котором обосновывалась необязательность с канонической точки зрения следования тому курсу, который изложен в так называемом «завещании» Патриарха Тихона. Следователь пытался добиться от архиепископа, чтобы тот оговорил непричастных к этому делу людей. Но разумные и спокойные ответы святителя убедили следователя отказаться от этой попытки. Священник Сергей Сидоров, арестованный по этому же делу, вспоминал впоследствии: «На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту Петру. Я отказался его назвать, и Тучков потребовал очной ставки моей с архиепископом Николаем. Помню серую мглу сумерек... хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас... следователя, который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом. Архиепископ Николай вошел, взглянул... на меня и остановил внимательный взгляд свой на следователе. На владыке была сероватая ряса и зимняя скуфья. Утомленные глаза были холодно-строги. Встав со стула, следователь разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон. Высокопреосвященный Николай властно прервал его: “Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку”. Чудо совершилось. Следователь спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова...

Когда рассеялись ужасы сидения в тюрьме, то мне удалось узнать подробности пребывания владыки Николая на Лубянке. Я с ужасом узнал об издевательствах над ним, о его сидении в подвале тюрьмы и о постоянных ночных допросах. И с тем большей благодарностью я склоняюсь перед величием его духа, благодаря которому владыке удалось спасти многих и сохранить многие церковные тайны. В московской тюрьме особенно ярко выявился его строгий и правдивый лик, смелый лик человека, забывающего о себе и готового к смерти за веру.

Много благодарен я ему лично за свою судьбу. К 8 января 1926 года у меня было двадцать три допроса, всю ночь под 9 января я был почти под непрерывным допросом. Утомленный и нравственно и физически, я готов был сдаться на требование следователей, готов был наклеветать на себя и друзей. Пробыло четыре часа утра, когда меня вызвали к следователю. Его допрос вертелся на одном месте, он обычно требовал выдать людей, непричастных к письму митрополиту Петру. Привели архиепископа Николая. “Я требую, – сказал владыка, – чтобы вы оставили в покое Сидорова. Я его знаю как нервнобольного человека, а вам, – обратился он ко мне, – я запрещаю говорить что бы то ни было следователю властью епископа”. Меня увели в коридор, я слышал неистовую ругань следователя.

Вряд ли эти мои строки будут прочтены многими, но если... близкие прочтут их, пусть они склонятся перед дивным ликом архиепископа Николая, некогда в застенках ГПУ избавившего меня от самого большого несчастья – от выдачи друзей врагам веры и Церкви».

Священник Сергей Сидоров и Сергей Павлович Мансуров были тогда освобождены, но архиепископ Николай Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 21 мая 1926 года был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. После окончания ссылки ему было разрешено свободное проживание везде, кроме шести крупных городов, с прикреплением к определенному месту жительства на три года.

Когда срок юридического поражения в правах закончился, архиепископ Николай поселился в Москве. Во время гонений 1937 года власти ставили своей целью уничтожение большинства священноцерковнослужителей и для этого опрашивали всех тех, кто мог бы стать свидетелем обвинения. 10 ноября 1937 года сотрудники НКВД допросили одного из московских священников, который показал, что знал архиепископа Николая с 1924 года, служа с ним в разных храмах Москвы. Архиепископ Николай – один из самых авторитетнейших архиереев Русской Православной Церкви. Будучи долгое время священником Александровского военного училища, он имел большое влияние на юнкеров и до сего времени тесно связан с бывшими военными кругами. Что касается антисоветской деятельности архиепископа, то он неоднократно заявлял, что «Русская Православная Церковь и весь русский народ переживают тяжелое положение исключительно по своей простоте и недальновидности, доверились различным проходимцам, и вот результат, у власти стоит “апокалиптический зверь”, который расправляется с русским народом и духовенством». Добронравов среди окружающих говорил также о необходимости защиты Церкви и духовенства, заявляя, что «каждый верующий должен противодействовать мероприятиям советской власти, не допускать закрывать церкви, собирать подписи, подавать жалобы, а самое главное, что духовенство должно разъяснять верующим смысл происходящих событий... что советская власть есть явление временное...».

27 ноября власти арестовали владыку и заключили в Бутырскую тюрьму. На допросе следователь спросил архиепископа:

– Какое участие вы принимали в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви?

– Я был членом Поместного Собора Православной Церкви, в работах которого принимал деятельное участие, входя в так называемую профессорскую группу.

– Когда и где вы встречали Сахарова, Стадницкого и Дамаскина?

– Епископ Афанасий Сахаров являлся моим помощником по управлению Владимирской епархией, судился по обвинению в контрреволюционной деятельности. После его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня и получить от меня указания на свою дальнейшую пастырскую деятельность. С епископом Дамаскиным Цедриком я познакомился в ссылке, после его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня. Митрополит Арсений Стадницкий – мой единомышленник, он посещал меня в Москве, где мы с ним обсуждали создавшееся тяжелое положение по управлению Православной Церковью.

– Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной организации церковников.

– Нет, это я отрицаю.

– Следствие располагает данными, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации церковников, и требует от вас правдивых показаний.

– Я это отрицаю, я признаю лишь то, что встречался с епископом Дамаскиным Цедриком, митрополитом Арсением Стадницким и епископом Афанасием Сахаровым, которые в прошлом были судимы по обвинению в контрреволюционной деятельности.

На этом допрос был закончен. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Архиепископ Николай (Добронравов) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь». Тверь, 2003. С. 264-273.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 427-435.